

Глава 10. «Человек с деньгами» и «свободный человек» в драматургии А.Н. Островского

Начатое в предыдущих книгах исследование характерных черт мировоззрения русского человека, представленных классиками отечественной литературы, будет продолжено на материале драматургии А.Н. Островского, часто называемой «великой». Полагая не вполне адекватной столь высокую оценку, тем не менее обозначу причины, побудившие адресоваться к автору хрестоматийно известной «Грозы».

Прежде всего, в творческой работе по выявлению смыслов и ценностей, характерных для русского взгляда на мир, которую выполняли писатели XIX столетия, драматургия как жанр хотя и присутствовала, но не занимала сколько-нибудь существенного места. Это в особенности заметно, если взглянуть на ситуацию в историческом ракурсе. Ведь и Д.И. Фонвизин, и А.С. Грибоедов, стоявшие у истоков отечественного литературно-художественного процесса, вошли в культурную жизнь страны как драматурги. В дальнейшем, однако, основные интеллектуальные опыты литературы почти полностью переместились из сценическо-публичного жанра в жанры индивидуально-повествовательные. В этой связи выявление и представление особенностей национального мировоззрения, с одной стороны, получило дополнительные возможности, но, с другой, лишилось многих важных средств. Так, например, если в драматургии присутствовала требуемая сценой и не всегда свойственная прозе четкая рельефность характеров изображаемых персонажей, то в ней же исчез авторский голос, психологические описания, картины природы как участника чувственно-мыслительного процесса, а также передаваемые словом полутона.

То есть, адресуясь к драматургии Островского, исследование, тем самым, если не ликвидирует реально имеющийся в отечественной литературе акцент на жанре повествования, то, по крайней мере, не углубляет его тем, что обходит вниманием драматургический жанр. Творчество А.Н. Островского, целиком состоящее из драматургических произведений,

является ярким дополнением общей картины и потому не обратиться к нему, имея ввиду анализ четко очерченных и характерных для российской городской среды 60-х годов персонажей, было бы упущением. Кроме того, такое обращение тем более важно, что населяющее русскую сцену купечество и мещанство требуют сравнения с изображениями этих социальных слоев как у его современников (Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского, прежде всего), так и следующих за ним авторов – А.П. Чехова и Максима Горького, также в немалой степени драматургов.

Переходя к разговору о творчестве А.Н. Островского, следует отметить, что оно интересно и тем, что в разворачивающейся литературной панораме российской жизни он первым обратил внимание и сделал предметом анализа новый русский социальный тип – «денежного» человека, вышедшего не из первого ряда, а из «низов» народной жизни¹. Конечно, образы состоятельных людей в русской литературе были и прежде. Однако, человек, делающий деньги не на производстве, а в торгово-сбытовой сфере, допускающей значительные степени свободы обращения с деньгами, равно как и произвольно устанавливаемую значительную неадекватность прибылей и затрат, - такой художественный тип до Островского русская классика не знала. Вдвойне он интересен и потому, что именно с этим типом некоторые современные автору «Грозы» русские мыслители, равно как и последующие исследователи, связывали надежды на сохранение и воспроизводство в новых жизненных условиях так называемой «русской старины». Именно ими Островский в силу его интереса к корневым основам русской жизни записывался ими в лагерь славянофилов.

Рядом с художественным типом торговца-предпринимателя, впервые в полный голос заявившем о собственном, основанном на власти денег

---

¹ В этой связи отмечу, что почти в каждой пьесе Островского в формировании конфликта используется понятие «благородный» человек, употребление которого подразумевает не только и не столько образование, сколько происхождение. Как правило, этот смысл вводится в содержательную структуру произведения либо мотивом, исходящим от девушки (она, например, желает выйти замуж за «благородного»), либо в форме аргумента, высказываемым каким-либо «завидным» женихом из «благородных».

своеволии как «законном» поведении, органично возник и еще один новый для русской классики художественный тип. Это была женщина, чье отчетливо выраженное стремление быть равноправной с мужчиной человеком натолкнулось на множество серьезных, а порой и непреодолимых препятствий². При этом нужно отметить, что если женщины у Островского не всегда трагически-позитивны, подобно Катерине из «Грозы», то почти всегда они являют собой форму зафиксированной художником реакции на свободу, реализуемую в рамках домостроевской традиции «денежным» человеком. И порой не столько мужское своеволие, сколько женская реакция на него исполняет в произведении основную роль.

Островский, далее, при изображении своих типов четко обозначил, к сожалению, не фиксируемое нашими исследователями, но философски важное и художественно ярко выраженное противостояние между людьми, чья свобода проистекает из своеволия, основанного на власти денег, и людьми, чья свобода исходит из нравственных оснований. (Отмечу, что свободные люди, например, у Тургенева, силы для свободы берут либо из собственной нравственности, окрепшей в культуре, как, например, Лаврецкий из «Дворянского гнезда», либо из нравственности, питающейся соками природы. Вспомним Герасима из «Муму»).

Попытка развернутого ответа на вопрос, из чего черпают свои нравственные силы герои Островского, будет сделана позднее. Сейчас же отмечу, что Островский в принципе берет иной срез проблемы свободного человека. В отличие от своих литературных предшественников и современников, он впервые «сталкивает» свободу, находящую опору в деньгах, со свободой, покоящейся на человеческих чувствах. Думаю, что и сегодня такого рода «поворот» в рассмотрении тематики автора «Грозы» выглядит вполне актуально.

---

² Конечно, «равные» или даже в чем-то превосходящие мужчин женщины были в русской литературе почти с момента ее возникновения. Вспомним о пушкинской Татьяне Лариной, о женщинах И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и Л.Н. Толстого. Однако женщины из «простых» впервые в полный рост изображены только А.Н. Островским.

В проводимом исследовании А.Н. Островский интересен, наконец, и как автор, чье творчество подвергается постоянной идеологической интерпретации сегодняшними борцами с «тлетворным влиянием Запада» - поборниками «русской старины», в отношении которого постоянно предпринимаются попытки использования его в качестве примера и образца для переустройства нашей современной жизни³.

Сделав эти предварительные замечания, перейду к рассмотрению творчества драматурга, ограничившись в данной книге наиболее примечательными, на мой взгляд пьесами, написанными до 1860 года.

* * *

Повторю: Островский в контексте рассматриваемой темы русского мировоззрения интересен прежде всего своим опытом исследования свободного человека в его противостоянии «денежному насилию», существующему к тому же в рамках домостроевской традиции. Так, сопоставляя его с другими авторами, описывавшими русскую жизнь накануне отмены крепостного права, мы должны признать, что их художественные типы почти всегда принадлежали либо к угнетенным, либо к угнетателям и, таким образом, каждый по-своему несли на себе печать явной несвободы. В этой связи уместен вопрос: в чем специфика несвободы персонажей, изображаемых Островским?

Первая пьеса драматурга, после которой он, по его собственному признанию, «стал считать себя русским писателем», - «Семейная картина», созданная в 1847, но по цензурным соображениям увидевшая свет лишь в 1855 году. Уже в ней, как в матрице, закладываются основные, идущие с небольшими вариациями через все творчество автора, темы и образы. Это тягостная судьба женщин в купеческом доме, от которой они стремятся освободиться либо женитьбой, либо связями с молодыми людьми на стороне (мотив, в классическом виде представленный образами Катерины и Варвары

---

³ В этом отношении в первую очередь я буду адресоваться к работам известного литературного критика М.П. Лобанова, в частности, к его изданной в серии ЖЗЛ книге «Островский».

в «Грозе»); это, конечно же, отмеченная еще Н.А. Добролюбовым, тема «самодурства»; это, далее, нравоучительство матери по отношению к сыну-купцу как в связи с тем, как нужно вести дела, так и в том, как следует «держаться» жене (опять же, известная тема из «Грозы»); это, наконец, попытка женитьбы на деньгах и зреющий между заинтересованными сторонами конфликт по поводу характера и размера приданого⁴. В «Семейной картине» также впервые намечается и присущая почти всем драмам Островского тема безысходности. В этом «темном царстве», как подметил Добролюбов, «не может быть иных отношений, как основанных на обмане и хитрости, с одной стороны, при диком и бессовестном деспотизме с другой...»⁵

Сюжет «Семейной картины» незатейлив и, как это часто бывает у Островского, откровенно назидателен. Глава семейства, тридцатипятилетний купец Антип Антипыч Пузатов, озабочен лишь идеей обогащения. При этом, как намечающееся новое, так и происходившее в прошлом обогащение в существенной мере основывается на обмане. Пузатов откровенничает: «...Недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Вот смеху было! Матрена Савишна тряпья разного у него из магазину забирала, а он мне счетец и выписал тысячи в две.

...Что ж! Ничего. Пусть щеголяет! А вот я думаю: неужли, мол, немцу все деньги отдать. Как же, мол, не так! нет-с, жирно будет. Вот и не додал ему рублей триста с небольшим. Остальные, говорю, мусье, после. Хорошо, говорит, хорошо, как путный. Да потом, сударыня ты моя, и начал он приставать. Как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги? Надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец. Что ж, говорит, деньги? Какие, говорю, деньги? я тебе, брат, отдал давно, и отстань ты от меня, христа-ради. Вот и взбеленился мой немец. Это, говорит, купцу

---

⁴ В своей знаменитой статье «Темное царство» Н.А. Добролюбов в качестве основных тем Островского отмечает отношения по поводу семьи и имущества.

⁵ Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в трех томах. М., Художественная литература, т. II, 1987, с. 338.

нехорошо; это, говорит, фальшь; у меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты чорт знает что там в книге-то напишешь - тебе все и плати! Так, говорит, русский купец делает, немец никогда; я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним, словно больной с подлекарем! (Смеются.) Поди, я говорю, - немного возьмешь! Потасил в суд. Что ж, матушка! ведь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатил. Что ж такое, что за важность!.. Уж что с этим немцем смеху было - беда! Так и тарашится: это, говорит, бесчестно! А я ему после-то и говорю: я бы тебе и отдал, Карл Иваныч, да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские животики надорвали со смеху. (Смеются.) А то все ему и отдать? да за что это? Нет, уж опосля честь будет. Они там ломают цену, какую хотят, а им сдуру-то и верят. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, матушка, вот как»⁶.

Таков же и затеявший жениться на сестре Пузатова купец Ширялов. Его радостный рассказ об удачном обмане не многим отличен от признаний Пузатова: «Заваялась у нас штука материи. Еще в третьем году цена-то ей была два рубля сорок за аршин. А в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, сударь ты мой, сижу я в лавке. Идут две барыни. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить? Как, мол, не быть, сударыня. Достань-ка, говорю, Митя, модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена? Говорю, два с полтиной себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите рубль восемь гривен. Слышишь, Антип Антипыч, рубль восемь гривен? Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться: два рубля дают. Слышишь, Антип Антипыч, два рубля! (Смеется.) Да вам, говорю, много ли нужно? Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, так уж так и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой Антип Антипыч, боюсь шевелить-то ее (смеется), шевелить-то боюсь. Кто ее знает, что там в середке-то! может

---

⁶ Островский А.Н. Полное собрание сочинений. М., Государственное издательство художественной литературы, т. 1, 1949, с. 16.

быть, сгнила давно. Что ж, мои барыни потолковали, да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои так и ахнули. (Смеется.)»⁷

Не отстает от Пузатова и его молодая жена, вместе с его сестрой использующая частые отлучки мужа для свиданий на стороне с молодыми людьми. При этом, «кавалеры» не стыдятся передавать дамам наказ «чтобы мадеры привезли», коя хороша «на вольном воздухе».

«Конфликт» пьесы, связанный с жизненными целями героев - это задуманный Пузатовым обман: обещать Ширялову свою сестру в невесты со значительным денежным приданым, а после деньги не дать... Завершается история диалогом жены Пузатова с его сестрой – они отправляются на свидание с молодыми людьми, «отпросившись в Симонов монастырь к вечерне».

Подробно рассматривая все характеры пьесы, Н.А. Добролюбов в своей знаменитой, посвященной творчеству А.Н. Островского статье «Темное царство» (1859 год), говорит о ее главном предмете так: «Обман и притворство полноправно господствуют в этом доме и представляют нам как будто какую-то особенную религию, которую можно назвать *религиею лицемерства*»⁸.

Обозначенное Добролюбовым «лицемерство» - лишь приспособительная форма в пределах определенного типа отношений между людьми. Сами же эти отношения Добролюбов называет «самодурством». «Быт этого темного царства так уж сложился, что вечная вражда господствует между его обитателями. Тут все в войне: жена с мужем - за его самовольство, муж с женой - за ее непослушание или неугождение; родители с детьми - за то, что дети хотят жить своим умом; дети с родителями - за то, что им не дают жить своим умом; хозяева с приказчиками, начальники с подчиненными воюют за то, что одни хотят все подавить своим самодурством, а другие не находят простора для самых законных своих стремлений; деловые люди воюют из-за

---

⁷ Там же, с. 23.

⁸ Добролюбов Н.А., там же, с. 337.

того, чтобы другой не перебил у них барышей их деятельности, всегда рассчитанной на эксплуатацию других; праздные шатуны бьются, чтобы не ускользнули от них те люди, трудами которых они задаром кормятся, щеголяют и богатеют. И все эти люди воюют общими силами против людей честных, которые могут открыть глаза угнетенным труженикам и научить их громко и настоятельно предъявить свои права»⁹.

Думаю, что представленные в пьесах Островского «лицемерство» и «самодурство» даже при поправке на «грубость», неизбежную драматургического изображения подобного рода тем, видятся не слишком интересными не только с позиций сегодняшнего дня, но и в контексте времени, в котором жил автор. Прав Добролюбов, формулирующий критерии оценки величия таланта писателя: «Признавая главным достоинством художественного произведения жизненную правду его, мы тем самым указываем и мерку, которою определяется для нас *степень достоинства* и значения каждого литературного явления. Судя по тому, как глубоко проникает взгляд писателя в самую сущность явлений, как широко захватывает он в своих изображениях различные стороны жизни,- можно решить и то, как велик его талант. Без этого все толкования будут напрасны. Например, у г. Фета есть талант, и у г. Тютчева есть талант: как определить их относительное значение? Без сомнения, не иначе как рассмотрением сферы, доступной каждому из них. Тогда и окажется, что талант одного способен во всей силе проявляться только в уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы, а другому доступны, кроме того, - и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни. В показании всего этого и должна бы, собственно, заключаться оценка таланта обоих поэтов. Тогда читатели и без всяких эстетических (обыкновенно очень туманных) рассуждений поняли бы, какое место в литературе принадлежит и тому и другому поэту. Так мы полагаем

---

⁹ Там же, сс. 328 - 329.

поступить и с произведениями Островского. Все предыдущее изложение привело нас до сих пор к признанию того, что верность действительности, жизненная правда - постоянно соблюдаются в произведениях Островского и стоят на первом плане, впереди всяких задач и задних мыслей. Но этого еще мало: ведь и г. Фет очень верно выражает неопределенные впечатления природы, и, однако ж, отсюда вовсе не следует, чтобы его стихи имели большое значение в русской литературе. Для того чтобы сказать что-нибудь определенное о таланте Островского, нельзя, стало быть, ограничиться общим выводом, что он верно изображает действительность; нужно еще показать, как обширна сфера, подлежащая его наблюдениям, до какой степени важны те стороны фактов, которые его занимают, и как глубоко проникает он в них. Для этого-то и необходимо реальное рассмотрение того, что есть в его произведениях»¹⁰. По мере возможности последуем этим советам.

* * *

Написанная в 1850 году пьеса «Свои люди – сочтемся» - первое многомерное произведение Островского, в котором характеры поданы не только в их сиюминутном «срезе», но содержат и некоторое объяснение своего исторического становления. В отличие от первой комедии, «Свои люди» не просто зарисовка с натуры, но во многом удачная попытка создать типические образы, дающие представление о русском купечестве – общественных отношениях, покоящихся на определенных понятиях (смыслах), пронизанных специфическими ценностями. Эта особенность комедии, позволяющая подняться над сугубо бытовым уровнем до уровня философствования была в полной мере и блестящим образом исследована Добролюбовым в его знаменитой статье о «темном царстве».

Впрочем то, что увидел в комедии критик XIX столетия, противоречит как самой пьесе, так и добролюбовской статье, когда обращаешься к хитрому «анализу» нашего современника - славянофильствующего литературного

---

¹⁰ Там же, с. 328.

критика М.П. Лобанова. По понятным причинам (первое издание книги «Островский» вышло в серии ЖЗЛ в глухом 1979 году) не осмеливаясь полемизировать с непререкаемым в советские времена авторитетом - «русским революционным демократом», Лобанов прибегает к уловке: сужает предлагаемое Добролюбовым поле анализа, подставляя на место определенного, характерного для широких слоев русского общества типа мировоззрения (названного у Добролюбова «самодурством»), якобы все исчерпывающий конфликт между отцами и детьми на почве «просвещения» и «образованности»¹¹. Не споря с Добролюбовым по существу, Лобанов косвенным образом пытается снизить авторитет этого, как он выражается, «молодого человека» тем, что он якобы не был способен к глубоким чувствам, чрезвычайно увлекался рациональной стороной проблем, вплотную приближался к плоскому позитивизму. К тому же, Добролюбову ставится в упрек и то, что он отошел от православия. Что же собственно до комически представленного в пьесе стремления к «образованности», то само просвещение и образованность подаются Лобановым не иначе как уничижительно, противопоставляются благим русским домостроевским традициям, народному опыту, почти приравниваются (остается всего один шаг) к «лакейскому пресмыкательству перед иностранным». В этой связи приведу одно из характерных для книги содержательных «отступлений».

Так, ценнейшей для себя находкой М.П. Лобанов считает известного профессора зоологии К.Ф. Рулье. Рожденный в Нижнем Новгороде в семье сапожника и повивальной бабки профессор, в целях дальнейшего более глубокого уязвления тех, кто интересуется не только Россией, но и Западом, подается Лобановым читателю не иначе как ученый «французского происхождения». Оказывается, что он (как может подумать неискушенный читатель – выходец из Франции, для чего нам и сообщается о его происхождении) якобы стоял на вполне домостроевских позициях не только в жизни, но и в науке. Цитирую Лобанова: «В познании своего отечества

---

¹¹ Лобанов М.П. Островский. М., Молодая гвардия, 1989, с. 35.

видел он первейший долг ученого. «Изучи свое отечество, а после можешь путешествовать», - любил он повторять. Достойными осмеяния называл он тех биологов, которые гордятся тем, что они внесли в науку новое название животного Новой земли или Филиппинских островов, которые прочтут вам целую лекцию о «бразильских жуках» и «новоголландских пташках» и не смущается «перед смышленным крестьянином, перед последним продавцом живности», знающими о местных животных неизмеримо больше, чем эти ученые специалисты. «Не завидую, - писал Рулье, - ни одному путешественнику, он поехал далеко от родины оттого, что не занялся достаточно изучением своей родины, которая, конечно, его бы и заняла, и привязала».

...Человек живых общественных интересов, Рулье и науку не отделял от практической потребности людей, народа, принимая активное участие в исследовании опыта сельского хозяйства, которое он называл «первой из первых наук, первым из первых искусств». Он знал и любил народный быт, народную поэзию, прекрасно чувствовал народное слово, его меткость и красоту, употребляя его в своих научных трудах, в своей разговорной речи»¹².

Изобретаемый Лобановым «домострой в науке» – это, примерно, следующее. Превыше всего для ученого должна быть не истина, поиск которой рождается из глубокого личного интереса, а безотносительный к интересу труд на благо родины, работа в отечестве. Внимание к «бразильским жукам», далее, (коих, кстати сказать, очевидно, имеется никак не меньше нескольких тысяч, но поскольку в глазах российского «патриота-домостроевца» они не заслуживают различения, то отсюда и общее имя «жуки») должно быть осуждено, по крайней мере в случае, если не знаешь фауны своего района. «Смышленный крестьянин» всегда умнее специалиста по «бразильским жукам». А уж не интересоваться сельским хозяйством – и вовсе Родину не любить.

---

¹² Там же, с. 77.

Все это я привожу, преследуя цель дальнейшей работы с текстами А.Н. Островского, поскольку их анализ давался не только Н.А. Добролюбовым и другими современниками драматурга, но и М.П. Лобановым. Вот почему иметь на будущее пример того, как подходит к анализу русского драматурга современный идеологически ангажированный литературный критик - вовсе не лишне.

В том как создавать видимость якобы присущей Островскому позитивной оценки изображаемой им российской действительности М.П. Лобанов неистощим. При анализе очень важной для творчества драматурга пьесы «Свои люди – сочтемся» (1853), в которой, по словам Добролюбова, изображается, как «порядочная натура находится в положении самодура», этой сложной для идеологии славянофилов ситуации современный критик избегает. Вместо содержательного рассмотрения представленного Островским русского мировоззрения в его домостроевском варианте нам предлагается вымышленная литературная зарисовка о сценическом представлении, в которую косвенным образом вплетаются позитивные оценки «положительных» персонажей комедии - купцов Русакова и Бородкина. Так, к образу первого относятся лобановские оценки: «ласковый», «внушительный», обладающий «непреклонным характером», способный на «теплоту благодарности», «величавую иронию», «неподдельное горе». Об образе второго купца сообщается, что в нем есть «прямодушие», «глубокая тоска» и даже «величественность», когда играющий Бородкина актер «объявляет, что берет обесславленную Дуню»¹³. Ко всему этому добавляются восторженные оценки комедии в целом, в которой русская жизнь, наконец, «нашла своего поэта». Заключает главу обращение к несомненному для Лобанова авторитету: «Достоевский, как никто из современников, обостренно чувствовал дисгармоничность

---

¹³ О том, какую «величественность» можно обнаружить в том, что молодой человек решает жениться на девушке, накануне сбежавшей от отца с ветреником-женихом, нужно спрашивать М.П. Лобанова, поскольку в моих, далеких от домостроевских традиций представлениях, такая оценка представляется почти дикой.

современной личности, жаждавший цельности, увидел в «прямоте» чувств и поведения героев Островского воплощение цельного характера...»¹⁴ Согласимся, что прочитав такое, кто из несведущих читателей усомнится в благостности изображенной Островским картины, равно как и в достоинствах центрального персонажа – купца Русакова? И если не знать пьесы и, тем более игнорировать, как это намеренно делает Лобанов, глубокий анализ Добролюбова, то иного представления и не возникнет. Но вот этого-то – приукрашивать (если не подтасовывать) представления о действительности, ставя цель рассмотрения русского мировоззрения, в частности – в интерпретации Островского, делать ни в коем случае нельзя.

Как бы предвидя заячьи петли, которые выписывает на занесенной снегом равнине отечественной словесности М.П. Лобанов, Добролюбов в статье «Темное царство» подает читателю комедию «Не в свои сани» в совершенно иной интерпретации. Произведение для него - очередной важный эпизод в рассмотрении Островским того, что представляет собой феномен русского самодурства. И за сто с лишним лет до современного критика пишет слова, звучащие как отповедь апологетам домостроя: есть такие, которые «превознесли его (Островского. – С.Н.) за то, что он усвоил себе прекрасные воззрения славянофилов на прелести русской старины» и за этими рассуждениями забыли «о лицах и явлениях, выведенных им»¹⁵. И в самом деле: в «анализе» Лобанова анализа самодурства как явления нет. Отчего бы это?

Ответ, на мой взгляд, следует искать в том факте, что обозначенный Добролюбовым тип русского мировоззрения растет из домостроя. Вспомним, что сложившаяся в эпоху Ивана Грозного в середине XVI века книга «Домострой» представляла собой своеобразную энциклопедию русской семейной жизни, домашних обычаев, традиций хозяйствования.

---

¹⁴ Там же, с. 109.

¹⁵ Добролюбов Н.А. Цит. соч., с. 372.

Завершителем текста, писавшегося многие годы, был известный церковный и государственный деятель того времени священник Сильвестр. Как говорилось в предисловии, «...В этой книге найдешь ты некий устав о мирском строении: о том, как жить православным христианам в миру с женами и с детьми и с домочадцами, как наставлять их и поучать, и страхом спасать и запрещать строго и во всех их делах сохранять их в чистоте, душевной и телесной, и о них заботиться, как о собственной части тела, ибо сказал Господь: «Да будете оба в едину плоть», ибо апостол сказал: «Если страдает один член - то все с ним страдают»; так же и ты, не о себе одном пекись, но и о жене и о детях своих и обо всех остальных - до самого последнего домочадца, ибо все мы связаны единою верой в Бога. И с добрым таким прилежанием неси любовь всем, живущим по-божески, точно око сердечное, на Бога взирающее, и будешь как сосуд избранный, не себя одного несущего к Богу, но многих, и услышишь: «Добрый рабе, верный рабе, будь в радости Господа своего!» А еще в этой книге отыщешь устав о домовном строении, как учить жену и детей и слуг, и как всякий запас собирать - и хлебный, и мясной, и рыбный, и овощной, и о домашнем хозяйстве, особенно в сложных делах».

Кроме неких общих установок морального характера этот «устав», являвшийся примечательным документом своего времени, за последующие триста лет безусловно, утратил свое полезное наставительное значение не только по причине чрезмерной претензии на обобщение и составление набора советов с «учетом» множества конкретных ситуаций, но и в силу неизбежного развития личностного начала тех, кому «устав» предназначался. «Домострой» категорически не предполагал в читателе (последователе) сколько-нибудь свободного человека, за исключением некоторой свободы для главы семейства, которому вменялась обязанность командования и неукоснительного контроля за домочадцами. Отсюда – постоянная для драм и комедий Островского, звучащая в разных вариантах тема следования

заветам, наставлениям и приказаниям стариков (старших), которую развивают сохранившиеся до середины XIX столетия почитатели домостроя. Отсюда – не только общий, но личностный, мелочный (вплоть до требования ритуала) контроль с их стороны за любыми поведенческими проявлениями остальных, их детей и родственников прежде всего. Вершиной этих изображений в рассматриваемый период были Кабаниха и Дикой из «Грозы». Однако домостроевское (самодурное) начало отчетливо видно во всех образах «старших» и более ранних произведений Островского.

Утверждая в человеческих отношениях главенство традиции, домострой, тем самым, устранял в обществе возможность не только личных, сколько-нибудь оригинальных, а не ритуализированных, отношений, но и отношений правовых. О самодурстве Добролюбов пишет: «...Будучи само бессмысленно и бесправно, оно искажает здравый смысл и понятие о праве во всех, входящих с ним в соприкосновение. Мы видели, что под влиянием самодурных отношений развивается плутовство и пронырливость, глохнут все гуманные стремления даже хорошей природы и развивается узкий, исключительный эгоизм и враждебное расположение к ближним. Нужно иметь гениально светлую голову, младенчески непорочное сердце и титанически могучую волю, чтобы иметь решимость выступить на практическую, действительную борьбу с окружающей средой, нелепость которой способствует только развитию эгоистических чувств и вероломных стремлений во всякой живой и деятельной природе».

Но чтобы выйти из подобной борьбы непобежденным,- для этого мало и всех исчисленных нами достоинств: нужно еще иметь железное здоровье и - главное - вполне обеспеченное состояние, а между тем, по устройству «темного царства»,- все его зло, вся его ложь тяготеет страданиями и лишениями именно только над теми, которые слабы, изнурены и не

обеспечены в жизни; для людей же сильных и богатых - та же самая ложь служит к услаждению жизни»¹⁶.

Самодурство не только искажает человеческие личности, как это происходит со способным к самостоятельным рассуждениям приказчиком Подхалюзиним из пьесы «Свои люди – сочтемся». Будучи человеком неглупым и вполне усвоив все уроки самодурства, он делает для себя закономерный вывод: когдаходишь в силу – следует заставлять других так же бояться, подличать, фальшивить и страдать, как все это проделывали с ним, как это претерпевал он сам.

Не составляет исключения и тенденциозно-умело поданный М.П. Лобановы «добрый» купец Русаков, этот, напомним, «ласковый», «внушительный», обладающий «непреклонным характером», способный на «теплоту благодарности», «величавую иронию», «неподдельное горе». А вот как отзывается об этом типе неслучайно обойденный вниманием Лобанова Добролюбов. Изложив фабулу пьесы, критик задается главным вопросом: дает ли рассмотренный в пьесе факт послушания родителя «хоть какой-нибудь повод к развитию темы о преимуществах старого быта, к выражению славянофильских тенденций? Кажется, нет. Смысл его тот, что самодурство, в каких бы умеренных формах ни выражалось, в какую бы кроткую опеку ни переходило, все-таки ведет, - по малой мере, к обезличению людей, подвергшихся его влиянию; а обезличение совершенно противоположно всякой свободной и разумной деятельности; следовательно, человек обезличенный, под влиянием тяготевшего над ним самодурства, может нехотя, бессознательно совершить какое угодно преступление и погибнуть - просто по глупости и недостатку самобытности»¹⁷.

И далее собственно о честном купце. «Максим Федотыч Русаков - этот лучший представитель всех прелестей старого быта, умнейший старик,

---

¹⁶ Там же, сс. 369 - 370.

¹⁷ Там же, с. 376.

русская душа, которою славянофильские и кошихинствующие критики¹⁸ кололи глаза нашей послепетровской эпохе и всей новейшей образованности, - Русаков, на наш взгляд, служит живым протестом против этого темного быта, ничем не осмысленного и безнравственного в самом корне своем. В Большеве мы видели дрянную натуру, подвергшуюся влиянию этого быта; в Русакове нам представляется: а вот какими выходят при нем даже честные и мягкие натуры!.. И действительно, природная доброта и даже деликатность пробивается в Русакове сквозь грубые формы. Он обходится со всеми ласково, о жене и дочери говорит с умилением; когда Дуня, узнав о его решительном отказе Вихореву, падает в обморок (сцена эта нам кажется, впрочем, утрированной), он пугается и даже тотчас соглашается изменить для нее свое решение. Мало этого: у него голова сложена довольно хорошо, и из нее не выбить здравый смысл. Он не говорит просто: "Так должно быть *потому*, что я так хочу", - а старается отыскивать резоны для своих решений. Но этим и ограничивается то, что мог он сохранить из добрых качеств своей природы; далее начинаются приобретения самодурства. Видно, что Русаков, по мягкости своей природы, с самого начала кротко покорился существующему порядку, признав его законность; значит, не было нужды доказывать ему эту законность пинками и колотушками. Оттого в нем и в старости нет той враждебности и крутости, какую замечаем в других самодурах, выводимых Островским; оттого он не отвергает даже резонов в разговоре с низшими и младшими. Но быт «темного царства», в котором он вырос, ничего не дал ему в отношении резонности: ее нет в этом быте, и потому Русаков впадает в ту же несмысленность, в тот же мрак, в каком блуждают и другие собратья его, хуже одаренные природою.

Любопытно послушать мораль, до которой успел он возвыситься. Покорность, терпение, уважение к опыту и преданию, ограничение себя своим кругом - вот его основные положения. Дошел он до них грубо эмпирически, сопоставляя факты, но ничем их не осмысливая, потому что

---

¹⁸ "Кошихинствующие критики" - наивные апологеты Московского царства.

мысль его связана в то же время самым упорным, фаталистическим понятием о судьбе, распоряжающейся человеческими делами»¹⁹.

Воспроизводя вокруг себя атмосферу самодурства, Русаков и дочь свою воспитал в таком качестве, что «в глазах у нее только любовь да кротость: она будет любить всякого мужа», какого ни назначит ей опытный в жизни отец. «Для человека, не зараженного самодурством, - читаем у Добролюбова, - вся прелесть любви заключается в том, что воля другого существа гармонически сливается с его волей без малейшего принуждения. Оттого-то очарование любви и бывает так неполно и недостаточно, когда взаимность достигается какими-нибудь вымогательствами, обманом, покупается за деньги или вообще приобретается какими-нибудь внешними и посторонними средствами. Чувство любви может быть истинно хорошо только при внутренней гармонии любящих, и тогда оно составляет начало и залог того общественного благоденствия, которое обещается нам, в будущем развитии человечества водворением братства и личной равноправности между людьми. Но самодурство и этого чувства не может оставить свободным от своего гнета: в его свободном и естественном развитии оно чувствует какую-то опасность для себя и потому старается убить прежде всего то, что служит его основанием - личность. Для этого самодуры сочиняют свою мораль, свою систему житейской мудрости, и по их толкованиям выходит, что чем более личность стерта, неразличима, неприметна, тем она ближе к идеалу совершенного человека»²⁰. Русаков свято следует домостроевским традициям и знай твердит: «все зло на свете – от необузданности и надо старших уважать». «Так вот каково положение и развитие двух главных лиц комедии «Не в свои сани не садись». Нравится оно вам? Хотели бы вы сами быть на месте Авдотьи Максимовны? Или, может быть, вам было бы приятно играть роль Русакова и довести кого-нибудь из близких вам до того положения, в каком представляется нам дочь Максима Федотыча? Если так, то, конечно,

---

¹⁹ Там же, сс. 377 – 378.

²⁰ Там же, сс. 379 – 380.

вы должны восхищаться патриархальностью, чистотою и счастьем того быта, который изображен Островским в этой комедии. Но если нет, то и эта пьеса должна вам представляться сильным протестом, захватившим самодурство в таком его фазисе, в котором оно может еще обманывать многих некоторыми чертами добродушия и рассудительности»²¹.

Видя в стремлении к просвещению и образованности зло, которое ведет к разрушению «благих» традиций русской старины, озаботившийся этими вопросами человек должен сделать для себя выбор, к примеру, из такого силлогизма: «Грамотные мужики обманывают и наживаются за счет неграмотных. Следовательно, грамотность – зло». Но возможен и другой вывод: «Следовательно, грамоте должны быть обучены все мужики, чтобы обман на основе неграмотности перестал быть возможным». При этом нужно помнить, что уничтожая права личности, делая страх и покорность основой воспитания и нравственности в обществе культивируются произвол, угнетение и обман. Незрелая личность, как, например, дочь Русакова, легко становится жертвой как примитивной «просвещенной особы», коей мнит себя прожившая в Москве сестра Русакова, так и пустого прощельги, «красавца» Вихорева, с коим дочь Русакова бежит от отца.

«Таким образом, - итожит Добролюбов, - мы можем повторить наше заключение: комедию «Не в свои сани не садись» Островский намеренно, или ненамеренно, или даже против воли показал нам, что пока существуют самодурные условия в самой основе жизни, до тех пор самые добрые и благородные личности ничего хорошего не в состоянии сделать, до тех пор благосостояние семейства и даже целого общества непрочны и ничем не обеспечено даже от самых пустых случайностей. Из анализа характера и отношений Русакова мы вывели эту истину в приложении к тому случаю, когда порядочная натура находится в положении самодура и отуманивается своими правами»²².

---

²¹ Там же, с. 384.

²² Там же, сс. 388 – 389.

Самым широким мировоззренческим основанием рассматриваемых в драматургии Островского проявлений русской жизни вслед за Добролюбовым нужно признать глубоко укоренившееся в ней самодурство. Однако говоря о нем, необходимо, на мой взгляд, сделать следующее уточнение. В качестве своей признанной идеологии самодурство берет вполне конкретный отечественный социально-философский документ – «Домострой». Именно на этой идеологической основе в своих конкретных интерпретациях, как показывает Островский, оно ведет к угнетению слабых сильными, к удушению всякого личностного начала, к игнорированию закона и, как следствие, к несправедливости, а в целом – к несвободе.

Вместе с базовыми атрибутами самодурству присущи и конкретные особенности. Так, в описываемой автором «Грозы» исторической ситуации, в том числе и прежде всего – в связи с жизнью купечества, мы можем говорить о его (самодурства) особом, в сравнении с прежними временами, состоянии. В связи с началом становления в России капитализма уровень общественного производства в целом стал значительно более существенным и торговое сословие (наряду с банкирами и ростовщиками) начало превращаться в держателя значительных финансовых средств. Понятие «денежный человек» все точнее передавало суть этих новшеств, которые постепенно делались предметом пристального внимания русской литературы, драматургии, в том числе. «Денежные люди» в прямом и в переносном смысле выходят на авансцену русской жизни. Кроме отмеченных произведений 50-х годов, у Островского эти персонажи главенствуют в пьесах 60-х – 70-х годов («Бесприданница», «Волки и овцы» и др.). Точно так же у Чехова и Горького состоятельные люди (причем, не получившие деньги в наследство, а именно «сделавшие» их сами) нередко оказываются центральными героями. Новое материальное положение «денежных людей» по-новому начинает определять как их собственную свободу, так и их отношение к возможности предоставления свободы другим.

В этой ситуации идеи и принципы «Домостроя» обретают не только «новое дыхание», но и новые формы выражения, новые возможности для материализации. Существовавшее ранее самодурство в новые времена получает и новую легитимацию. Если прежде оно искало оснований в традиции, укладе, находило религиозную опору в православии, то теперь к имеющемуся «арсеналу» добавляются основания финансовые. В этой связи доводы Добролюбова в отношении поиска выхода из «темного царства», о которых он рассуждает на примере пьесы «Бедность не порок» по поводу Гордея Торцова – а именно, доводы о том, что его, как и его «излечившегося» от самодурства брата Любима, стоило бы «проучить на хлебе, выпрашиваемом Христа ради, - тогда бы и он, вероятно, почувствовал желание «иметь работишку», чтобы жить честно»²³, доводы эти звучат утопично. Денежные возможности самодуров не только не скудеют, но, напротив, возрастают. Точно так же и упование на образование, просвещение самодуров как состоявшихся, так и только вступающих на этот путь, как это признает сам Добролюбов, фантастично. Многими героями (Вихорев и Арина Федотовна – «Не в свои сани не садись», Липочка – «Свои люди – сочтемся» и другими) Островский показывает иллюзорность такого рода надежд.

Единственный раз, когда самодур вдруг «перерождается», случается тогда, когда Гордей Карпыч Торцов (пьеса «Бедность не порок») под влиянием примера, проповедей брата Любима и конкретного разоблачения самодура Коршунова вдруг отменяет свое решение о насильственном браке дочери и решает отдать ее замуж по любви. В финале пьесы на доводы – «бедность не порок» и «неужели в тебе чувства нет» - он неожиданно заявляет: «А вы и в самом деле думали, что нет? ...Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой человек»²⁴. Ответа на вопрос, отчего внезапно происходит такая метаморфоза, у Островского нет, что, впрочем, дает нам

---

²³ Там же, с. 446.

²⁴ Островский А.Н. Полное собрание сочинений, т. 1, с. 318.

основание рассматривать в том числе и этот поступок как проявление необузданной самодурной воли: хоть и не злое, а доброе дело, но все равно делаю все равно по собственному нраву и только тогда, когда именно мне это взбредет в голову.

Новым поворотом темы самодурства и противостояния ему со стороны «свободного человека» стала драма «Гроза» (1859). Вложенное в пьесу Островским содержание, равно как и вообще тема противостояния главной героини Катерины - самодурам Кабанихе, Дикому и им подобным, рассматривалась в нашей литературно-философской критике неоднократно и подробно. В череде этих исследований в первую очередь, конечно же, нужно указать на знаменитую статью Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860), хорошо известную еще со школьных лет. Ее центральная мысль заключалась в том, что в этой пьесе, «самом решительном произведении Островского», «взаимные отношения самодурства и безгласности доведены ...до самых трагических последствий», а характер Катерины «составляет шаг вперед не только в драматической деятельности Островского, но и во всей нашей литературе» и вполне соответствует «новой фазе нашей народной жизни»²⁵. Дошедшему до крайности, до отрицания самого здравого смысла «темному царству» в пьесе противопоставлен характер героини, поражающий нас решительной и бескомпромиссной противоположностью всем самодурным началам, коему «лучше гибель», чем жизнь в предлагаемых самодурством условиях. В отличие от «цены» конфликта, обозначавшейся в предыдущих произведениях Островского, в «Грозе» битва идет в прямом смысле за «место под солнцем». Катерина способна и идет до конца, не останавливаясь ни перед чем. «...Закон, родство, обычай, людской суд, правила благоразумия – все исчезает для нее перед силою внутреннего влечения; она не щадит себя и не думает о других. Такой именно выход представился Катерине, и другого нельзя было ожидать

---

²⁵ Добролюбов Н.А. Луч света в темном царстве. В кн. «Библиотека русской критики. Критика 50-х годов XIX века». М., олимп, 2002, с. 207.

среди той обстановки, в которой она находится. ...В этой личности мы видим уже возмужалое, из глубины всего организма возникающее требование права и простора жизни»²⁶. Своим поступком героиня ясно дает нам знать, что жить в поле действия самодурной силы более нельзя, что нельзя продолжать мириться с ее насильственными, мертвящими началами.

Революционный демократ Добролюбов не мог не закончить статью вопросом о том, действительно ли в «Грозе» верно передана готовность русской жизни к переменам? Точно ли русская живая натура выразилась в характере Катерины? И, если «да», то, как подразумевает статья, очередь теперь за самим этим народным «решительным делом»²⁷.

Какое же собственно добролюбовское «решительное дело» читатель может предполагать после прочтения пьесы? Ответа на этот вопрос у Островского, как и у Добролюбова, естественно, нет. Драматург ни в одном месте своих комедий и драм ни разу не предается фантазиям на тему «позитивных» преобразований, тем более революционных. Более того, то «позитивное», которое таковым может именоваться, представлено у него либо в ироническом, либо в близком к трагическому ключе. Вновь обращаясь к «Грозе», вспомним, что среди второстепенных героев драмы есть и фигура изобретателя Кулигина. Связанная с ним одна из «позитивных» идей звучит так: «Только б мне, сударь, перпету-мобиль найти!» А на вопрос Бориса – что бы тогда он сделал, следует ответ: «Как же, сударь! Ведь англичане

---

²⁶ Там же, сс. 217 - 218.

²⁷ Впрочем, такого рода вопросы и столь глубокий анализ «Грозы», к сожалению, находишь лишь в XIX веке. А вот скрытый оппонент Добролюбова уже упоминавшийся наш современник критик Лобанов и в конце XX века тосковавший по домострою, думает совершенно иначе. Верный своей манере «толкования исподтишка», он и о «Грозе» высказывается посредством изложения истории ее постановки на парижской сцене. С почти не прикрытым презрением сообщается, что «парижская публика» осталась в недоумении от «Грозы». «Драма показалась парижанам произведением не современным, а относящимся к далекому прошлому, применительно к Франции – чуть ли не к XIV веку. Как, оказывается, отстали от цивилизации, от европейской моды душевная цельность, искренность переживания, все подлинно замечательное в человеке!» Лобанов М.П. Цит. соч., сс. 199 – 200.

миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего»²⁸.

Обратим внимание на предлагаемую в данном примере «схему» «позитивных» преобразований. Есть пассивный народ и никак о себе не заявляющий (более того: терпящий самодурство народ), о благе которого заботится уникум - ученый-чудак, мечтающий о чуде. В случае явления чуда оно, как предполагается, не может быть использовано на родине, то есть самим народом и изобретателем. На свете есть некие иные люди – «англичане», которые способны купить и использовать (с выгодой, естественно), это чудо у себя. А вот полученные средства Кулигин рассчитывает обратить на пользу русских тем, что даст мещанам (городским жителям) работу. Какую, как она поспособствует возрождению российской жизни – бог весть. На этом, собственно, и тормозится в 60-е годы одна из линий русской классики, ставящей перед собой философский вопрос о «позитивном» в собственно русском понимании. Само собой этот тематически-идейный поворот не отменяет того продвижения, о котором говорилось во второй книге исследования, посвященной проблематике «позитивного дела». Однако намечающаяся, в частности, у Островского в этой связи линия нисколько не отменяет имеющуюся, уже намеченную. К этому надо добавить, что эта линия, которая может быть условно названа «надеждой на англичан», была подхвачена другими литераторами. Вспомним, что лесковский левша с чудом в кармане и для знакомства с чудесами заморскими путешествует именно в Англию и оттуда привозит для государя наказ-секрет не чистить ружья кирпичом. А спустя несколько десятилетий в чеховском «Вишневом саде» англичане косвенно упоминаются как народ предприимчивый, кои у одного из персонажей белую глину в усадьбе нашли и стали высокую аренду платить, чем предотвратили от неминуемого разорения. «Предприимчивость» наша, таким образом, далее изобретения чуда или продажи ресурсов не продвигается.

---

²⁸ Островский А.Н. Пьесы. М., ОЛМА – ПРЕСС Образование», 2003, с. 286.

В связи с Кулигиным в «Грозе» есть и второй, связанный с идеей позитивного дела сюжет. Речь, само собой, о громоотводах. Тема надвигающейся на город грозы возникает в пьесе с самого начала и довольно часто, и в этой связи образ громовых отводов («шестов» да «рожнов» каких-то, в транскрипции Дикого) звучит символически. Гроза знаменует хотя и неизвестно, но, скорее, угрожающие перемены, и либо люди найдут способы изменить свою жизнь в связи с неотвратимостью этого явления, либо их ждет расплата. И в этом случае поступок Катерины звучит как раскат сопутствующего грозе грома. Впрочем, гроза как предупреждение, это одна трактовка. А вот гроза и возможность защиты от нее – совершенно иное. На это, что особенно символично, и требуется-то ничтожная сумма – каких-то десять рублей. Но ни общество, ни Дикой не желают даже этой малости дать. Вряд ли только собственное мнение выражает Дикой, когда в споре с Кулигиным говорит, что гроза никакое не электричество, а то, что «нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали». Вот почему надежды на кулигинскую «схему» продажи вечного двигателя англичанам и возрождения посредством даваемой «обществу» работы звучат, как представляется, почти утопически, а если и не так, то все же надежд у Островского в этом отношении, думаю, было не много.

* * *

Драматургия А.Н. Островского с момента своего возникновения оказалась важным и существенным дополнением той большой работы по осмыслению феномена русского мировоззрения, которая велась в отечественной литературе с самых первых шагов. Велик ли в эту работу был вклад драматурга?

«Не хотим делать никаких общих выводов о таланте Островского, - писал о нем Добролюбов. Мы старались показать, *что* и *как* охватывает он в русской жизни своим художественным чувством, *в каком виде* он передает воспринятое и прочувствованное им, и какое значение в наших понятиях должно придавать явлениям, изображаемым в его произведениях. Мы нашли

у Островского полноту изображения русской жизни...»²⁹ И еще: «Не сравнивая значения Островского с значением Гоголя в истории нашего развития, мы заметим, однако, что в комедиях Островского, под влиянием каких бы теорий они ни писались, всегда можно найти черты глубоко верные и яркие, доказывающие, что сознание жизненной правды никогда не покидало художника и не допускало его искажать действительность в угоду теории. А если так, то, значит, и основные черты мирозерцания художника не могли быть совершенно уничтожены рассудочными ошибками. Он мог брать для своих изображений не те жизненные факты, в которых известная идея отражается наилучшим образом, мог давать им произвольную связь, толковать их не совсем верно; но если художническое чутье не изменило ему, если правда в произведении сохранена, - критика обязана воспользоваться им для объяснения действительности, равно как и для характеристики таланта писателя, но вовсе не для брани его за мысли, которых он, может быть, еще и не имел»³⁰. Думаю, что эти добролюбовские мысли вполне применимы не только для оценки творчества А.Н. Островского, но и для завершения той полемики, которую в данном разделе пришлось вести. Впрочем, анализ его творчества в контексте тем «денежного» и «свободного человека» в произведениях 70-х – 80-х годов будет продолжен в дальнейшем.

---

²⁹ Добролюбов Н.А. Цит. соч., с. 447.

³⁰ Там же, с. 374.